

«Манифест о вольности дворянства» породил расцвет усадебной культуры. Свобода, образованность, европейские увлечения и, что немаловажно, бесплатная рабочая сила в лице крепостного крестьянства обусловили активную деятельность дворян по созданию усадеб. При создании усадеб XVIII–XIX вв. их владельцы продолжали старинные традиции, но внесли в них множество новаций, возведя усадебную организацию в ранг высокого искусства, обобщающего достижения архитектуры, скульптуры, садово-паркового искусства и сельскохозяйственной науки; культуру Востока и Запада, крестьянства и дворянства.

Расцвет усадеб иллюстрирует эпоху золотого века российского дворянства – вторая половина XVIII – первая половина XIX в. Ревниво оберегая свои привилегии и не неся повинностей по отношению к государству, дворянство именно тогда сделалось как будто бы паразитическим сословием. Но дворяне по-разному пользовались своей вольностью и независимостью. Одни употребили свои права во зло – мучили крепостных, проигрывали в карты, пропивали и даже проедали огромные состояния. Другие с увлечением предались созданию уникальных садово-парковых ансамблей, музейных коллекций, библиотек, литературной, ученой и общественной деятельности. Но если первые в основном бесследно сгинули в прошлом и память о них вскоре забылась, то вторые создали уникальную русскую культуру того времени. Творчество Сумарокова, Державина, Карамзина, Жуковского, Батюшкова, Пушкина, Баратынского, Лермонтова, Тютчева, Тургенева питалось живительными силами дворянской культуры и дворянской независимости – общественной и экономической.

«Русская усадьба» – явление и миф, о котором сказано и написано столь много, что, казалось бы, уже и нечего дополнить. Не подлежит сомнению огромное значение усадьбы в русской культуре и истории. Известны в мельчайших деталях и подробностях почти все стороны жизни усадьбы, ее происхождение, история и гибель. И все же тайна усадьбы так и не раскрыта.

Усадьба стала одним из национальных символов России. Жизненный круг – от рождения до смерти (с любовью и ненавистью, созиданием и разрушением) – был заключен в культуре и повседневности русской усадьбы. Это – таинственный и прекрасный сплав искусства и природы, в то же время соединявшийся с уродством жестокого угнетения человека человеком. Усадьба соединяла в себе основополагающие, крайние и противоречащие друг другу черты и факторы российской цивилизации. И в конце концов она пала жертвой этих раздирающих противоречий. Ныне, увы, несмотря на попытки реанимировать усадебную культуру, этот феномен невосстановим.

Зародившись во второй половине XVIII в., усадебная культура находилась в расцвете с конца XVIII по середину XIX столетия. Уже вскоре после отмены крепостного права стали очевидны грядущий упадок и гибель усадебной культуры. Лучшие умы России бились за сохранение усадеб в начале XX в., и особенно в 1917–1920-е гг. Многие удалось спасти, но основная часть ценностей – памятники архитектуры, изобразительного, декоративно-прикладного и паркового искусства, архивные богатства – бесследно исчезли в бурях жестокого XX века. Документы органов охраны памятников и краеведческих организаций 1920-х гг. показывают страшную картину разграбления и уничтожения усадебных комплексов. Фарфор, художественный металл, картины, книги, архивы вывозились из усадеб пудами (так и указывалось! – С. Ш.) – попадали в губернские центры и там исчезали бесследно.

Не отставали от чекистов и сами крестьяне. Уже в 1905–1907 гг. прокатилась первая волна поджогов, грабежей и убийств помещиков, повинных по большей части лишь в том,

что они унаследовали полуразрушенные барские особняки своих предков. Каков же был ужас дворян – интеллигентов и демократов, ратовавших за свержение «гносного деспотизма», поступавшихся для крестьян земель, лесом и водой, создававших в селах школы, больницы, – когда «мужички» после февраля 1917 г. начали их повсеместно грабить и поджигать дома, а зачастую и убивали. Где искать корни этой звериной ненависти? Достаточно ли признания того, что «русский бунт – бессмысленный и беспощадный»? Нельзя не понимать, что дивная прелесть старинных усадеб строилась на уродливом угнетении, длившемся более 250 лет. Язвы крепостничества, как экономические и социальные, так и духовные, дореволюционной России так и не удалось преодолеть, и вековая ненависть вырвалась наружу в 1917 г. Потомки крепостных взяли реванш, уничтожив не только потомков бар, но и большую часть их культурного наследия.

Те усадьбы, которые чудом удавалось превратить в музеи, тоже теряли часть своих богатств. Но, сохранив внешнюю оболочку, они утратили главное: живое тепло и душу. Никакие инвестиции и культурные программы уже не восстановят усадебную культуру, столь же далекую от нас, как и культура Древней Греции и Рима.

О милых спутниках, которые наш свет

Своим сопутствием для нас животворили,

Не говори с тоской: их нет;

Но с благодарностию: были...

В. Жуковский

Организация усадьбы

«Я пребываю без перемен в моих прежних желаниях отойти от большого света и водвориться в деревне, где я несколько мотовато соорудил себе пристанище на дни последние и после смерти. Под сим разумей дом, сад, церковь и гроб», – писал одному из своих корреспондентов екатерининский дипломат, канцлер А. А. Безбородко. Здесь перечислены основные элементы усадебного ансамбля, но сколь велико было разнообразие форм! В усадебной архитектуре и построении пространства усадьбы на протяжении XVIII – начала XX в. нашли свое воплощение все архитектурные стили и направления в русском искусстве – от барокко (XVIII в.) до модерна (начало XX в.). В зависимости от богатства и художественных вкусов владельцев строились то огромные дворцы, то скромные деревянные дома в два этажа. В ансамбль усадебного дома входили – флигеля, конюшни, бани, дома прислуги, башни ограды, «голландские» домики, беседки («Миловид», «Приют друзей»), оранжереи, ротонды, искусственные гроты и пещеры в парке... Часть зданий могла соединяться различными переходами, вставками и галереями. Строились, порою, и уникальные сооружения – например, усадебный дом в форме ордена святой Анны, полученного владельцем (подмосковное Люблино).

Пышность екатерининского века переносилась вельможами в свои подмосковные усадьбы. Тогда возникли знаменитые архитектурные и садово-парковые комплексы в Кускове, Архангельском, Останкине, Воронове, Царицыне, Троицком-Кайнарджи и других местах. Помимо дворцов, в этих усадьбах были богатейшие коллекции картин, скульптуры, фарфора, книг, рукописей, крепостные театры и оркестры, школы, заводы... Однако далеко не все помещики были столь богаты, как Шереметевы и Юсуповы, уделом большинства был:

Господский дом уединенный,
Горой от ветров огражденный,
Стоял над речкою. Вдали
Пред ним пестрели и цвели
Луга и нивы золотые...
А. Пушкин, «Евгений Онегин»

Войдя вслед за пушкинским героем в барский особняк, мы увидим:

Везде высокие покои, В гостиной штофные обои,
Царей портреты на стенах
И печи в пестрых изразцах...

Впоследствии, чтобы не дразнить цензуру упоминанием царских портретов лишь как одного из элементов интерьера, Пушкин заменил эти слова на «портреты дедов», чем несколько не погрешил против истины. Каждая усадьба обладала богатой коллекцией портретов предков. Исполненные зачастую кистью крепостных мастеров, они отличались безыскусной жизненной выразительностью. «Дом был старый, деревянные колонны на фасаде облупились порядком; комнаты были с низкими потолками. Зато они были просторны, летом прохладны, а зимою, когда докрасна натапливали камин, жарки. Увешаны они были портретами Глинок. Вильгельма привлекал из них в особенности один, времен Анны Иоанновны, толстый, с тяжелой челюстью, хищным носом и необычайно умными, неприятными глазами. Он находил в нем нечто демоническое» (Ю. Тынянов, «Кюхля»).

Портретная галерея усадьбы была и семейной летописью, надписи на портретах содержали биографические сведения об изображенных, а иногда эпитафии: «Тебя, ужънет насвете; но ты вомне живежъ, ив память, на портрете я написал: о, мой родитель неумрешъ». Один из редких дворянских автопортретов середины XIX в. содержал иную

по тональности надпись: «Павел Колендас 1844-м году март 17-го дня с 24-х лет от рождения в таких летах, я вам мил, и нравом любезен, а для девушек полезен».

Любая усадьба была хранительницей того или иного собрания историко-культурных реликвий, многие из которых имели и имеют ныне мировое значение. Помимо общеизвестных Кускова, Архангельского, Остафьева, Поречья, Кузьминок и других, существовали и ныне забытые и утраченные уникальные собрания, как, например, «Музеум» в имении Михаила Львовича Бодя-Колычева Лукино, близ современного Одинцова. Владелец усадьбы, потомок старинного боярского рода Колычевых, историк и придворный, в середине XIX в. возвел в своей усадьбе уникальный мемориал – это была крепость в древнерусском стиле, «боярские палаты», церковь-усыпальница, а также мраморный обелиск, на гранях которого были высечены имена двадцати семи предков Бодя-Колычева, погибших на полях сражений или принявших мученическую смерть. Особое здание было отведено под «Музеум», в котором хранились в строгом хронологическом порядке разложенные документы, рукописи, фамильные мемуары, книги, костюмы, мундиры, бытовые предметы, портреты и скульптуры. В коллекции были и семейные реликвии – костяной очечник, подаренный Петром I одному из Колычевых, и другие. Судьба этой уникальной коллекции после 1917 г. неизвестна – часть ее осела в различных хранилищах, другая – исчезла.

В каждой усадьбе ее владельцем закладывалась определенная созидательная программа. Пространство усадьбы создавалось как своеобразная модель мира. Церковь и кладбище соединяли усадьбу с Божественным миром, с прошлым и будущим всех живущих; преобразованный парк, почти везде соединявшийся с рекой или лесом, был данью природе и ее взаимодействия с человеком, барский дом и другие постройки – настоящим, повседневностью дворянской семьи, крестьян и человеческого мира вообще. В усадебном строительстве просвещенный дворянин XVIII–XIX вв. пытался построить новый, идеальный мир – отсюда и переименование не только самих сел (Отрада, Рай-Семеновское), но и урочищ, парков, лесов, болот – Прибежище, Аркадия, Утопия и другие.

Дом и постройки были обособлены от окружающего мира, это было пространство, где господствовал хозяин; церковь и кладбище связывали владельцев и крепостных. Обычно церковь строилась в общем контексте усадебного ансамбля, но в отдалении от барского дома, впрочем, есть и исключения. Проекты усадебных церквей поручались чаще всего тем же архитекторам, которые строили и усадьбы. В результате возникали храмы в стиле барокко, классицизма, псевдоготики, византийском стиле или в стиле модерна. При этом владельцам редко удавалось поручить внутреннюю роспись столичным мастерам, и чаще всего усадебный храм – это продукт творчества городского архитектора и сельского иконописца, с его трогательно-наивной манерой.

Многие из владельцев усадеб были весьма далеки от православия, идеи Просвещения и влияние аристократической среды отводили церковной службе и духовенству чисто внешнее, декоративное значение. Церковное влияние ограничивалось порою традицией бывать у обедни в воскресенье и праздничные дни и приглашать священника и дьякона на семейные торжества, в душе посмеиваясь над малообразованным сельским духовенством.

Однако при довольно небрежном отношении к православию и пренебрежительном отношении к духовенству дворяне видели большую привлекательность в том, чтобы быть похороненными в своих имениях, на лоне природы и в ограде церковной.

Дом, церковь и погост объединялись усадебным садом. Сад – важнейший элемент в символике новоотстроенного в усадьбе мира, он напоминал об Эдеме, соединял плоды рук человеческих с природой, был наполнен воспоминаниями о событиях мировой истории, христианской и античной мифологии. В глазах сведущего человека каждое растение в усадебном саду или оранжерее имело свое глубокое значение: яблоня содержала намек на грехопадение, кедр – олицетворение красоты и благородства, плющ – знак бессмертия, жасмин – невинности и чистоты, дуб – силы и добродетели, анютины глазки – воспоминание и созерцание, розы – любовь... В усадебном парке вы бы не увидели осину – мрачное дерево, с которым связано воспоминание об Иуде-предателе и его страшной смерти; трепетание ее листвы воспринималось как трепет ужаса при воспоминании самого растения об этом событии. Воспетые Буниным липовые аллеи в дни цветения наводили на мысли о райском эфире. Беседки, водоемы, пруды, мостики, гроты, пещеры, ручьи, «диловины» – в изобилии были разбросаны умелой рукой декоратора-садовника по парку.

Поветрия моды определили два основных типа усадебных парков – регулярный и пейзажный. Первый, родиной которого была Франция, господствовал в России в XVIII столетии. Регулярный парк отличала стройность и симметрия как отдельных элементов, так и всей композиции в целом. Аллеи парка веером расходились от партера, разбитого перед фасадом главного дома. Центральная аллея замыкалась на берегу пруда террасой и лестницей с гротом, а боковые аллеи завершались круглыми беседками. За парком мог быть выкопан пруд – далее простирался лес. С конца века на смену регулярному приходит английский тип пейзажного парка, создатели которого стремились подражать природе. Пейзажный парк давал больше простора для наполнения его пещерами и гротами, статуями нимф у источников, беседками в различных стилях. Умело поправляя природу, создатели парка имитировали «первобытную дикость», давая возможность глазу отдохнуть от прямых и точных линий, и посетитель чувствовал себя «естественным человеком» эпохи Просвещения.

Статуи в парке также несли особый смысл. В большинстве, они изображали античных богов и героев, иногда – владельцев и посетителей усадьбы, широко распространена была практика возведения обелисков – в память о предках или в знак посещения усадьбы высочайшими особами. Глубокий аллегорический смысл, пронизывающий все существо усадьбы, диктовал и набор персонажей, в честь которых возводились статуи. Античные боги теряли свои личностные черты и становились символами: Афина – мудрости, Сатурн – времени. Просвещение добавило и своих героев – аллегорические скульптуры изображали Науку, Добродетель, Искусства, Чувства...

Путешествие в деревню

Мы привыкли к мысли о том, что усадьба населена – в ней жил помещик с семьей, челядью, слугами и дворовыми. На деле множество усадеб Центральной России большую часть времени года стояли пустыми – хозяева жили в столицах, губернских городах или за границей. Переселение начиналось летом, а осенью караван с помещичьим добром и припасами отправлялся обратно в город. Постоянно жили в деревне отставные (как отец Лариных), помещики-заводчики или малоимущие (однодворцы). Впрочем, далеко не каждая дворянская семья ежегодно проводила лето в усадьбе: «Отец мой всякий раз говорил, что в этом году он уедет рано, что ему хочется видеть, как распускается лист, и никогда не мог собраться прежде июля. Иной год он так опаздывал, что мы совсем не

ездили» (А. И. Герцен. «Былое и думы»). Однако большинство дворян начинали приготовления весной и в мае отправлялись в дорогу.

Врата столичны затворились,
Все скачут жить по деревням,
С театром, с балами простились,
Обман наскучил их очам.
Природа всякого искусства
Художных рук ценней стократ.
В полях все нежит наши чувства;
В Москве – все маска и наряд.
Князь И. Долгоруков, 1790 г.

Путешествие в деревню представляло собой нелегкую задачу. Даже в первой четверти XIX в., когда дороги были более менее обустроены, а разбойники в центральной части России обузданы, путешествие в усадьбу или наоборот, из усадьбы в столицу, было делом нелегким:

К несчастью, Ларина тащилась,
Боясь прогонов дорогих,
Не на почтовых, на своих,
И наша дева насладилась
Дорожной скукою вполне:
Семь суток ехали оне.
А. Пушкин. «Евгений Онегин»

Обоз помещика был громоздким. Согласно известию бытописателя М. И. Пыляева, обоз богатого барина не отличался по длине от железнодорожного состава. «Нам недоставало лишь нескольких слонов, чтобы изобразить индийскую армию», – замечает англичанка К.

Вильмонт, спутница знаменитой Екатерины Дашковой во время ее путешествия на 8 экипажах из Москвы в калужское имение Троицкое.

Что же везли в деревню? Вот описание выезда богатого помещика из книги М. И. Пыляева: «Первая фура была нагружена „Московскими ведомостями“ и грудой сочинений в прозе и стихах, поднесенных помещику его почитателями. За библиотекой следовала кухня на трех повозках; за кухней ехали пять поваров: француз, итальянец, немец, русский и поляк; далее следовало десять поваренков, еще далее ехали доктор и цирюльник. В остальных экипажах находились актеры, актрисы, стихотворец, плясуны, музыканты, живописец, чтец, письмоводитель, горничная, камердинеры, парикмахеры, два шута; потом следовал гардероб барина и барыни...» Право же, теперь вполне понятна ирония Вильмонт – богатый русский барин со своей свитой действительно напоминал какого-нибудь мелкого султана. Каждый из членов свиты имел свои обязанности, например, стихотворец ознаменовал путешествие сочинением оды «Аллегорическое шествие Аполлона и Дафны в село Талантов».

Ну вот и конечная цель путешествия. Человек возвышенного склада души был взволнован при возвращении в родное поместье – ведь большинство дворян выросли в усадьбах: «Я не мог довольно насытить зрения своего, смотря на ближние наши поля и все знакомые мне рощи и деревья. Мне казалось, что оне приветствовали меня, разговаривали со мною и радовались моему приезду. Я сам здоровался и говорил со всеми ими в моих мыслях», – пишет известный сельский хозяин и мемуарист Андрей Болотов. Для детей ежегодный приезд в усадьбу был не только праздником, но и новой вехой взросления. Герцен, уделив проникновенные строки своему родовому поместью, пишет и об этом: «... Периодические возвращения к тем же предметам наглядно доказывали разницу внутреннего развития. Другие книги привозились, другие предметы занимали...»

Итак, в поместье возвращался барин. С ним была его семья – жена, дети, обычно престарелая тетка, реже – мать. С детьми находились дядьки, гувернеры (при сыновьях), гувернантки, учителя – чаще всего иностранцы. Однако этим штат домочадцев не исчерпывался. У состоятельных дворян жили компаньоны и компаньонки (при барыне) – обедневший отставной чиновник или офицер, приживалки-родственницы, старухи-богомолки. До середины XIX столетия додержался обычай содержать шутов и дураков, восходивший к моде при царском дворе XVII в. Такие типы красочно описаны Тургеневым и Достоевским. Это было население небольшой империи помещика, его «двор» и приближенные – ниже стояли подданные – дворовые и крепостные крестьяне.

Русская литература изображает дворовых без снисхождения. «Вино и чай, кабак и трактир – две постоянные страсти русского слуги; для них он крадет, для них он беден, из-за них он выносит гонения, наказания и покидает семью в нищете... Как же не пить слуге, осужденному на вечную переднюю, на всегдашнюю бедность, на рабство и на продажу?...» (А. И. Герцен). Тот же автор указывает и на другую черту дворовых и крепостных – по-детски простодушное отношение к жизни и своему положению. На этом основывался патриархальный характер власти помещика над крепостными, сходный с властью московского царя над подданными. «Нынче нет больше на Руси усердных слуг, преданных роду и племени своих господ, – пишет незадолго до отмены крепостного права Герцен. – Слуга не верит в свою подчиненность и выносит насилие не как кару Божию, не как искуc, а просто от того, что он беззащитен...»

Крестьянский бунт (по крайней мере, в русской литературе) – по большей части это бунт дворовых: тихий, как у тургеневского Герасима, или жестокий, как у крестьян пушкинского Дубровского. Судебная практика XVIII–XIX вв. знала немало случаев

убийств помещика и его приближенных дворовыми. Любовница известного графа Аракчеева, фаворита Павла I и Александра I, была зарезана крепостным поваром, не выдержавшим деспотизма этой особы. Фельдмаршал М. Ф. Каменский зарублен топором...

Впрочем, у дворовых были все основания для бунта. Жестокость и издевательства помещиков доходили до крайностей. Общеизвестен садизм Дарьи Ивановны Салтыковой (Салтычихи), осужденной екатерининским судом, благоволившим к дворянам более, чем к крепостным. Достойные подражатели этого «урода рода человеческого» (слова Екатерины II о Салтыковой) находились и позднее. Князь Порюс-Визапурский создал в своей усадьбе крепостной гарем, его крепостные представляли живые скульптуры – в античных тогах, осыпанные белой пудрой. Однажды несчастные статуи не выдержали – во время прогулки князя «Гера» схватила помещика за волосы, а «Геркулес» разнес ему череп ударом своей палицы.

Гнусной страницей в истории усадьбы были крепостные гаремы. Их созданию, как ни странно, способствовала и хозяйственная практика той эпохи – выделение особой, «девичьей» комнаты в барском доме, где дворовые девушки занимались шитьем. Пушкин пишет о Троекурове: «В одном из флигелей его дома жили 16 горничных, занимаясь рукоделиями, свойственными их полу. Окна во флигеле были загорожены деревянной решеткою; двери запирались замками, от коих ключи хранились у Кирила Петровича... От времени до времени Кирила Петрович выдавал некоторых из них замуж, и новые поступали на их место». Впрочем, и сам Александр Сергеевич не вполне чист – в 1826 г. у него был роман с дочерью михайловского старосты Ольгой Калашниковой, которую поэт поспешил отправить из имения, как только девушка забеременела. Дитя «крепостной любви» Пушкина – Павел – умер младенцем.

В целом помещик просвещенного XIX столетия мало отличался от домостроевского «хозяина» XVI в. Он ощущал себя отцом и высшим судьей над своими крепостными. Доля барского гнета и поучения зависела от личных качеств помещика. Так, Онегин:

Ярем он барщины старинной

Оброком легким заменил;

И раб судьбу благословил...

Отец Герцена: «...Докучал им капризами, не пропускал ни единого взгляда, ни слова, беспрестанно учил; для русского человека это часто хуже побоев и брани».

Были, как мы знаем, и гораздо худшие примеры обращения помещиков со своими крепостными.

И все же немало дворянских семей проводили в усадьбе годы, практически не выезжая. Распорядок усадебной жизни был прост и отлажен:

Они хранили в жизни мирной
Привычки мирной старины;
У них на масленице жирной
Водились русские блины;
Два раза в год они говели;
Любили круглые качели,
Подблюдны песни, хоровод;
В день Троицын, когда народ
Зевая слушает молебен,
Умильно на пучок зари
Они роняли слезки три...
А. Пушкин. «Евгений Онегин»

Усадебная жизнь

Усадебная жизнь была подчинена распорядку сельскохозяйственных работ. Большинство помещиков, находясь в усадьбе, сами «вели хозяйство». Результаты такого хозяйствования были различны, однако в большинстве случаев агрономические новшества помещиков не приживались на российской почве. В то же время стремление приложить свои силы в развитие сельского хозяйства, равно как и опыт иностранных агрономов, было сильно распространено среди помещиков, особенно во второй половине XVIII в. Одним из выдающихся российских агрономов был тульский помещик Андрей Болотов – активный участник деятельности Вольного экономического общества, издатель первого в России частного сельскохозяйственного журнала «Сельский житель», редактор издания «Экономический магазин». В круг его интересов входила не только агрономия, но и лесоводство, селекция, садоводство. Своими трудами и трудами коллег по Вольному экономическому обществу Болотов способствовал распространению новых сельскохозяйственных орудий и методов, активно привлекал и развивал на российской почве зарубежный, в основном английский, опыт. Однако даже удачливому Болотову далеко не всегда удавалось преодолеть сопротивление крестьян, с недоверием относившихся к подобным барским причудам и предпочитавшим пахать и сеять по старинке.

Другой заботой землевладельца было управление имением – сбор оброка и барщины, организация крепостного производства. Здесь успехи у сельских хозяев напрямую зависели от их административных талантов. Впрочем, полное отсутствие умения

управлять никогда не останавливало помещика, в большинстве случаев уверенного в обратном. Русская литература знает много подобных примеров.

Широко распространен был и противоположный тип управления, который лишь условно можно назвать этим словом. Отец Онегина не мог понять новомодных экономических теорий, исповедовавшихся сыном, и «земли отдавал в залог». С появлением Дворянского заемного банка (1754) и подобных ему кредитных учреждений многие помещики отдавали земли и крепостных под залог и спокойно тратили полученные ссуды, не заботясь о будущем своих детей и внуков. Широкое распространение этой практики привело к кризису дворянского землевладения в первой половине XIX в. Если в начале XIX в. в залоге находилось всего 5 % крепостных крестьян, то к 1830-м гг. эта цифра увеличилась до 42 %, а к 1859 г. – до 65 %. Долги дворян, заложивших свои имения, только в государственных кредитных организациях достигли астрономической величины – 425 млн. руб., что в два раза превышало годовой бюджет России.

И все же большинство землевладельцев выбирало средний путь между личным управлением и залогом имения, которое в конечном счете вело к его потере. Управление имением передавалось приказчику, а владельцы довольствовались отчетами и приездами в летнее время. Приказчик – особенная фигура в усадьбе. Воровство и плутни приказчиков вошли чуть ли не в поговорку. Основой «политической системы» горюхинского приказчика была следующая аксиома: «Чем мужик богаче, тем он избалованней, чем беднее, тем смирнее» (А. С. Пушкин. «История села Горюхина»), а ее результатом то, что «в три года Горюхино совершенно обнищало».

Традиционно считалось, что иностранное происхождение управляющего гарантирует (хотя бы на некоторое время) его честность. Однако, во-первых, на практике это происходило далеко не всегда, а во-вторых, огромная разница мировоззрения приказчика-немца и русских крепостных сводила на нет все усилия даже самых добросовестных управляющих. Иллюстрацией тому служит анекдот о «преподобном Шершне», родившийся в XIX в. Вот его содержание. В некую деревню был прислан приказчик-немец. Как-то в церковный праздник он отправляет крестьян на барщину. «Нельзя работать, батюшка, сегодня же Спас Нерукотворный», – отвечают те. «Что такое „Спас Нерукотворный“? Не знаю». Крестьяне приносят приказчику икону. «Да это что, – немец постучал по иконе, – деревяшка. Ни мне ни вам ничего не сделает, работайте давайте». На Николин день – то же непонимание, конфликт и та же реакция немца. В третий раз крестьяне приходят и объявляют, что не могут работать в день «преподобного Шершня». Немец опять интересуется – кто это? Тогда крестьяне ведут его к дуплу с осиным гнездом. Финал ясен – приказчику пришлось все-таки признать превосходство православных обрядов над протестантской логикой. К слову о церковных праздниках. Одним из важнейших событий в жизни села и усадьбы, моментом единения между господами и крестьянами был местный храмовый праздник. «Как я любил этот день! – вспоминает о престольном празднике в имении своего детства Ахтырке философ князь Е. Н. Трубецкой. – С утра появлялись на лугу между домом и церковью палатки, торговавшие семечками, пряниками и другими гостинцами для народа. Потом мы отправлялись к обедне, в церковь, где стояли в особом княжеском месте, обнесенном балюстрадой. Весь день водились хороводы с песнями, а к вечеру народ приходил к большому парадному крыльцу, открытой террасе со ступеньками, где совершался торжественный выход дедушки к народу, своего рода высочайший выход...» В такие моменты четко демонстрировался «отеческий» характер взаимоотношений барина и крепостных. «Я собрала всех крестьян, – пишет княгиня Е. Р. Дашкова, – приказала им надеть праздничное платье с разными украшениями... и заставила их плясать на лугу и петь наши народные песни... Чтобы вполне завершить нашу пирушку, нас угощали русскими

яствами». В ответ Дашкова поднесла крестьянам хлеб-соль – не без намека на то, кто истинный хозяин на празднике.

В богатых усадьбах, в основном вблизи обеих столиц, празднования приобретали огромный размах и характер публичных гуляний. Такие гулянья регулярно проходили в XVIII в. в Нескучном саду, Кускове, Останкине, на дачах под Петергофом. На них приглашались не только дворяне, но и представители других сословий – просветительские понятия общественной пользы и права каждого наслаждаться красотами природы пересиливали аристократическое чванство владельцев. Впрочем, одно дело – гулять в парке, а другое – быть приглашенным к столу. К принимавшему по несколько сотен человек графу Шереметеву никто и не посмел бы явиться не в офицерском или дворянском мундире. Господствовал также обычай угощения «по чинам» (по классам «Табели о рангах»). Как-то раз один из вельмож спросил у самого невзрачного из своих гостей, все пиршество просидевшего в дальнем углу и забытого лакеями – все ли тому понравилось. «Благодарю вас, ваше сиятельство, – отвечал гость, – мне было отлично видно». Однако на празднике, устроенном в 1778 г. знаменитым богачом, меценатом и чудаком П. А. Демидовым, более пятисот человек упились до смерти.

Аристократические пиршества с фейерверками, театральными и балетными представлениями, роговой музыкой и катанием на лодках – особая страница в истории не только усадебной культуры, но и отечественной традиции проведения праздников, в том числе и национальной кулинарии. В XVIII–XIX вв. гремели имена вельмож, которые в буквальном смысле, проедали миллионные состояния. Граф Завадовский, приказывавший квасить ананасы в кадушках, как капусту, с тем, чтобы из них потом варили борщ и щи, умер в нищете. У графа Мусина-Пушкина поросят к барскому столу ежедневно мыли и пеленали, как младенцев. «В Орловской губернии, – пишет Пыляев, – жила генеральша Рагзина, обед которой длился по семи часов, и на стол подавалось до двадцати разных каш в небольших горшочках, приготовленных из незрелых зерен ржи, пшеницы и т. д., а маринадов и солений было бесчисленное множество... Генеральша эта была большая привередница и летом обыкновенно обедала на плоту своего пруда...» Число барских чудачеств в кулинарной области можно продолжать до бесконечности.

У среднего дворянства все было скромнее. Достаточно перечитать пушкинское описание именин Татьяны Лариной. Поэт описывает не только стол, но и весь церемониал праздника: угощение, поздравления, карточная игра и, наконец, – бал, основными элементами которого были лирический вальс и громогласная мазурка («припрыжки, каблучки, усы»). Ранее поэт упоминает и главные темы общения в помещичьем кругу: «О сенокосе, о вине, о псарне, о своей родне...»

О псарне – одной из главных, наряду с хозяйством, забот помещика действительно говорили часто и с удовольствием. Вот типичный пример псарни богатого помещика: «Хозяин и гости пошли на псарный двор, где более пятисот гончих и борзых жили в довольстве и тепле, прославляя щедрость Кирила Петровича на своем собачьем языке. Тут же находился и лазарет для больных собак, под присмотром штаб-лекаря Тимошки, и отделение, где благородные суки ощенялись и кормили своих щенят...» (А. С. Пушкин, «Дубровский»). Старик Дубровский был несомненно прав, заметив при этом: «Псарня чудная, вряд ли людям вашим житье такое ж, как вашим собакам...» Забота о собаках и лошадях и вправду часто превосходила у помещиков заботу о крепостных.

Охота занимала огромное место в жизни дворян. Свободные от сельских хлопот осень и зима были посвящены охоте, и главным образом псовой. В Древней Руси к собаке относились с опаской и пренебрежением. Василий III первым из русских государей ввел в

обычай охотиться с собаками, у него была первоклассная свора, свои охотничьи уголья и даже заказники. Со второй половины XVIII в. псовая охота господствует в провинции. Вообще же дворяне, даже в XVI в., когда их основное время и силы уходили на ратную службу, находили возможность охотиться. В завещаниях аристократов той эпохи упоминаются «пищали зверовые», т. е. охотничьи ружья XVI в. Но подлинный расцвет дворянской охоты начался уже после Манифеста 1762 г.

Псовая охота со множеством ее участников и парадным церемониалом оказалась наиболее созвучна широкой натуре русских бар. «Каждая собака знала хозяина и кличку. Каждый охотник знал свое дело, место и назначение», – пишет Л. Н. Толстой, оставивший красочные описания псовой охоты на волка и зайца. С середины XIX в., в связи с совершенствованием огнестрельного оружия и вместе с тем обнищанием дворянства, псовая охота постепенно исчезает. На смену ей приходит ружейная, воспетая С. Т. Аксаковым и И. С. Тургеневым.

Итак, хозяйство, обустройство усадьбы, празднества, приемы и охота составляли основу времяпровождения помещика в деревне. Несмотря на высокий уровень образованности среди дворян, далеко не каждый помещик предавался в деревенской тишине ученым или литературным трудам. И все же в тиши Остафьева творил бессмертную «Историю государства Российского» Н. М. Карамзин, писал стихи П. А. Вяземский. Михайловское и Болдино навечно вписаны в историю русской и мировой литературы благодаря творчеству А. С. Пушкина. Ясная Поляна овеяна гением Л. Н. Толстого.

Пушкин устами своего героя из «Романа в письмах» выражал заветную мысль: «Петербург прихожая, Москва девичья, деревня же наш кабинет. Порядочный человек по необходимости приходит через прихожую и редко заглядывает в девичью, а сидит у себя в своем кабинете». «Приют уединенных муз» – как высокопарно именовали усадьбу в XVIII в. – дал русской и мировой культуре бессмертные произведения литературы и музыкального искусства.»

/отрывок из книги «Тайны русской аристократии» Сергей Шокарев/